

Надежда Муравьева

CÁRMENES

Москва

2007

Совместный издательский проект
клуба «Классики XXI века»
и серии «Русский Гулливер»

поэзия

основан в 2007 году

Руководители проекта *Вадим Месяц*
Елена Пахомова

Главный редактор серии *Андрей Тавров*

Оформление *Владимира Сулягина*

Муравьева Надежда

Сáгmenes. Стихи / Серия «Русский Гулливер». /Литературный клуб
«Классики XXI века»; М.: Изд-во Р. Элинина, 2007 — 63 с.

ISBN 5–86280–055–7

© Муравьева Н., 2007
© Сулягин В., оформление, 2007
© «Русский Гулливер», 2007
© «Классики 21 века», 2007

об авторе

Надежда Муравьёва родилась и выросла в Москве. Протяженный период ее жизни и творчества связан с Латинской Америкой, где она провела несколько лет. Первый ее роман посвящен жизни в Колумбии, «изумрудам, и странствию души». По возвращении в Россию второй роман «Майя», посвященный культурным героям русского «Серебряного века» в издательстве «Захаров». По профессии Н. Муравьева испанист и переводчик с испанского, а так же сотрудник «Независимой газеты», литературного приложения «НГ- Экслибрис», член Союза журналистов и Ассоциации испанистов России. «Cármenes» — ее первая книга стихов.

предисловие

Серебрянный жест

В Колумбии она встречалась с привидениями и торговцами кокаином. Надежда Мандельштам подарила девочке свой серебрянный крест, а семья, где частым и желанным гостем был Вениамин Ерофеев — все лучшее, что было написано на всех языках мира, и, прежде всего, на испанском и русском. На русском же — сокровища целого века, понадобившиеся, чтобы их написать, и не одного — чтобы прочесть. Век назывался Серебряным.

Отдаваться она начала сразу же.

Интонации серебра с детства вошли под язык и в гортань, как в родное место.

Мой преподаватель лингвистики Александр Григорьевич Волков, танкист, горевший в танке, потерявший на войне ногу и дезертировавший на пять дней ради свидания с юной своей женой, гений и Дон-Жуан, утверждал, что мы лишь с трудом смогли бы понять устную речь Пушкина. Думаю, что тогда, в 60-е, он еще надеялся на то, что письменная его речь нам до некоторой степени доступна. Пушкин говорил на другом языке, который так отличался от современного русского по произношению — а значит и по пластике — что мы видим и слышим — другое, свое собственное изготовление — языкового образца 2007 года, и кто вам сказал, что вы читаете Пушкина (мысли и звук) и, вообще, шевелите губами в такт его, негритянским.

Проекта сохранить пластику звука и смысла Пушкина не произошло, но Серебряному веку, кажется, повезло больше. Потому что проект сохранения Серебряного Ангела осуществляется в поэзии Надеж-

ды Муравьевой. Мне кажется, что людей, которые могли бы говорить на одном языке с Блоком или Ходасевичем, не воспринимая его, как словесную и смысловую экзотику, в принципе не осталось. И здесь две причины — тяга к недавней архаике и боязнь ее же. Тяга заключена в тысячах полуконцептуальных, полуйроничных, а вместе сильно отдающих демократической хамоватой простотой, которая хуже воровства — центонов, цитат, перелицовок. Боязнь — в утрате контакта с лучшим, что было добыто в серебре языком.

Разрыв пуповины нарочит, несмотря на то, что в современном космосе, утратившем глубину, единственно таящую возможность собственного энергоизвлечения (потому что утрата собственной глубины — единственный грех, и ведет он к обесточиванию), — в современном космосе, где мы обитаем в дигитальных скафандрах, такой разрыв аналогичен разрыву троса на орбите.

Дыхание перенимается как посвящение — из уст наставника.

Весь авангард — использовал классику, а не причащался ей. Сейчас этот процесс достиг пика — как никак живем в атмосфере потребления.

Поэзия Надежды Муравьевой — продолжение серебряного голоса, и ее «Флейта» еще тепла от разбитых на Лубянке губ Мандельштама.

В стихах ее главное — музыка, дактилоскопия, жест как ее носитель. Жест. —

Девять ливневых дней подряд
Молились о Рождестве.
Балкон открыт, и свечи горят,
И тени дрожат в листве.

Он начинается девятидневным (-кратным) падением капель, продолжается восходящей траекторией молитвы, растворением мира по горизонтали, когда открывается дверь балкона, перебивается светом свеч, тоже вертикальных, тяговых — к небу, подтверждающих «вектор» молитвы, и завершается множественной жизнью перенимающей свет и отбрасывающей тень. И все это уложено в четыре строки.

Дактилоскопия. —
Но комната все еще та же,
Как будто никем не взята.

*Я трогаю стены и глазу,
Мой дом. А за ним пустота.*

Между идентичностью, знакомостью и пустотой — рисунок ее пальцев, неповторимый, лежащий теплом на «стекла вечности». Вообще — мотив ладони, прикосновения, удостоверения в реальности и неверия в нее вне мелодии.

*Музыка. —
Возвращенья чисты,
Воспоминанья легки —
Так устилают листья
Дно желанной реки.*

А также — вода и дверь. Обе — магичны. Вода как время, как хаос, как жизнь. Вечно текущая, женственная. Та, что можно набрать в ладони, в жест. Дверь — граница миров, задержанная или приоткрытая, рукой, пальцами, линиями судьбы.

Так выстраивается ее вселенная, перетекая из бескрайности к интимности щепоти. И наоборот. И тогда это молитва — от православного троеперстия — к Богу.

Вот в этом пространстве, ближнем, плотном интимном справа и распахнутом до Бога слева все и происходит — строфы, события, история, Евангельские сюжеты, судьба и молитва.

Ее серебряный ангел сдержан, и он печален. От того ли, что не видит, кто ему подпоет?

Или от утраты собеседника? А может быть от серьезного взгляда в будущее, чреватое антропологической катастрофой, которая в начале века старомодно звалась пришествием Антихриста?

*Ангелы-хранители,
Крылья в серебре,
Сколько вы увидели,
Узнали на земле.*

*Ангелы-ревнители
Смертного добра,
Сторожите, спите ли
Дни и вечера?*

Но ведь есть же кроме Золотого и Серебряного, которых мы храним или уничтожаем, в зависимости от выбора, и другие Ангелы, которые в отместку хранят нас или в отместку же забывают. И, конечно же, это только кажется, что забывают, потому что Ангелам забыть невозможно, но так говорим мы в изобильном, глянцево-м и пластмассовом начале всхлипа, когда сами забыли про тех, шепчущих и благословляющих, огненнокрылых, кто даровал спасение и речь.

* * *

*Напоенные лунным загаром
Пальцы тронули хвойную прядь.
Отголоском хмельного пожара
Возносилась смолистая стать.*

*Этот терпкий подарок сосновый,
По-осеннему вяжущий рот,
Был надежнее старого слова,
Что припомнить старались. И вот —*

*Детским чадом угарной любви —
Аромат перепрелой хвои.
Это память стоит наготове,
Когти в землю упрятав свои.*

*Но взрывается, не вспоминаясь,
То, чего удержать не смогли,
По стволам растекаясь и маясь
Безымянной тоскою земли.*

*Нам бы вспомнить короткое имя,
Чтоб нашарить без лишних трудов,
Не смешавши с мирами иными
Лабиринт осязания снов.*

*Может — морок? Нечаянность? Причуда?
Но возносится в теплой смоле
Хвойный голос, в надежде на чудо
Оставляющий нас на земле.*

ДЛЯ НОВОЙ ГРАНАДЫ

Россия — Колумбия (1990 — 1994)

I

Дышат сосновые ветви — эпоха ветров,
Дальние странствия. Шорох шагов и холмов.
Льют проливные дожди. Лихорадка у стен
Дома. Разбухшие двери не держат тепло.
Тянет сырým холодком от измятых простынь.
Льют проливные дожди. По улицам катит вода.
Плещется возле ступеней, взбегает на них.
По вечерам наползает наволглый туман.
В каждой трещине мостовой монетой дрожит
Стылая влага. Темнеет примерно в шесть.
Жмутся под выступом крыши бездомные дети и псы.
Дальние странствия. Пятна размытых реклам.
Продымленный закуток с чашкой кофе на влажном столе.
Даже помойные баки выдыхают клубами туман.
Ночь. В середине эпохи дождей и ветров.
Скачут воздушные змеи в трехстах километрах от нас.
Топчутся гладкие кони. В Армении дождь.
Дождь в Медельине и в Кали.

Промозглая стыдь

Святой Боготинской Веры.
Где-то идет перестрелка. Падает дождь в Боготе.
Взрывы картонных домов в ночных городах.
Холод и пар изо рта. Эпоха ветров.
Эпоха комет и воздушных змеев
Эпоха камней и снов
В дыму Монсеррате.
Где-то вдали блестит
чудная Картахена в налипшем морском песке —
Раковина отелей, набережных, огней.

Через месяц нам обещают затишье.
И падает дождь.

II

Клубящаяся церковь Monsegate
Вся в облаках, туманах, ливнях, тучах,
И выше — только небо. И крылатый,
Незримый Бог, носящий имя Случай.

А под навесом продают цепочки
И образки, и кошельки из кожи,
Пока орган, стараясь в одиночку,
Поет, и голос кажется все строже.

Над пропастью в вагончике летящем
Снижаемся, и тонет в отдалении,
В дыму холодном, в поднебесных чашах
Над городом парящее селенье.

Но белый голос дальнего органа
Нерукотворной церкви Monsegate
Скользит по стеклам, влажным от тумана,
Цепляется за струнные канаты.

И завязью дождя на пышных кронах
Поет внизу, густеет, умирая.
Так вот тебе небесная корона —
Прообразом страдальческого рая.

Уходит гул и лепет посторонний.
И сумерки. Завиден ли твой жребий?
А если ночь?

Тебя уединенней
Не отыщу на бесконечном небе.

III

Mi tú, mi sed, mi vispera, mi te-amo...
Eduardo Carranza ¹

ТЕМА НОЧИ И МОРЯ

У ночи — и дышится сладко,
В полете свивает и мнет
Морскую тяжелую складку
И стылые губы взлет.

Тебе ли судить о рожденьи
Гармоний и ритмов? Вдвоем,
Почуяв ее приближенье,
Мы шепотом славим ее.

Дичится она красноречья,
Банальности ей не нужны,
А берег волной изувечен
И, всхлипнув, бежит от волны.

Желанью открытые дали,
Соленые губы свежи,
И пятнами лунных подпалин
Болит непочатая жизнь.

И нам, запинаясь дыханьем,
Не выдумать кровь солоней,
Напевными всеми стихами
Мы только мечтаем о ней.

Изьедены ветви кораллов,
Проварены в этой крови,
Над трубочатой глубиью провалов
Прогорклую пену завив.

¹ *Мое ты, моя жажда, мое «тебя люблю».* Эдуардо Карранса

Мы можем еще расстараться.
Представить далекую смерть
Огнями прожекторных станций,
Сосущих подводную нефть.

Скользнувшим огнем корабельным,
Пунктиром дающим маршрут,
Орехом гармонии цельной,
Туннелем, закрученным в жгут.

Но как же горчит, набегая,
Пустая морская звезда,
Комета заблудшего края,
Забывшего, где и когда

Был выплеснут морем на сушу
Под пальмовый, мерный рассказ,
Продавший трехпалую душу
За горсти сухого песка.

Обрядом сквозных междометий
Закружен его небосвод,
И первый становится третьим
Под рев разыгравшихся вод.

И все — от ночных волхвований,
Ее влажноватого зла,
На скалы безродных преданий
Налегшего тенью весла.

На древнем, ушедшем наречьи
Узорчатой вязью воды
Считает небесные свечи
И топит дневные следы.

Но дышится сладко и пьяно,
И слышно — у края земли

Колышет бездонная рана
Тугие свои корабли.

За их деревянные крылья,
Клубясь, уплывает Восток.
Гасящий рассветным усиьем
Тяжелые всплески у ног.

И чаша вздымается вровень
С ползучими лентами трав,
Огнем холодеющей крови
Дремотный песок напитков.

Карибское побережье, Ковеньяс. 1991

IV

*На смерть Фернандо, погибшего при извержении
вулкана Эль Галерас*

Множество кружных и окольных путей
У одиночества человека и вещи.
Слева направо качается маятник века,
Что подходит к концу.
И над морем, и в его глубине
Растворяется жажда, соленая жажда жизни —
Тысячи бурых песчинок размягшего камня.

Странствие от часовни
До колыбельных пустыни,
До окна, что открыто
Не твоими руками.
Если умрешь — бояться не стоит,
Все эти пыльные земли
Сожмешь в кулаке, возьмешь с собою
В пустыни духа,

А слезы — только чужие,
Твоих одиноких близких,
Вечно любимых, оставленных телом,
Улыбкой твоей и словом,
Но не памятью бедной,
Что знает волшебную силу
Разъятого смертью пространства
И разгадку формулы не-умиранья.

Санта Фе де Богота. 1993

V

Стаи звезд этой ночью всплывали со дна,
А потом рассветало в горах с напряженьем.
В гуще вьющихся трав дотлевала луна,
И зарницы мерцали в далеких сраженьях.

Но у сердца — вода моего родника,
Песнопения ведер, малинные лозы,
В обрамленьи холмов — ледяная река
И в разрыве креста — уходящие грозы.

Этой ночью в белеющих скудно домах
Загорались дремотные лампы и свечи,
И предвечные Анды молчали впотьмах
И туманом давили на плечи.

Но в душе проступали холмы и поля,
Словно память еще не смирилась с утратой,
И ответом молитве вставала заря,
Две земли осветившая в сердце разъятом.

Город Армения. 1992

VI

Еще твое, я думаю. Земля
Так велика. Еще с тобой. Мала,
Сужается, не говорить о ней,
Когда с тобой. Когда она плыла,
Кружилась, останавливалась, вспять
Летела, и не думалось — с тобой
И о тебе. Тогда она была,
Прости ее, она была любой
Дорогой в Андах, может быть, волной
В Карибском море, чашкой на столе,
Кофейным парком, рыжей мостовой
Она была.
О смысле, о Земле
и о тебе.

Москва. 1992

VII

Мой последний, топкий, невесенний,
Пальмовый, тропический, древесный,
Сотканный из ста недоумений,
Жалобный, горячий, неуместный,

Выросший над Тихим Океаном,
Захмелевший, бражный, листопадный,
Распушенный, жаркий, непрерывный,
Изумрудный, сорванный, надсадный.

Ты кричишь и кружишь над садами,
Над гудящей музыкой застолий,
Над решетками, над проводами,
Залами сырых аудиторий.

Затопивший сердце и сознание,
Все размывший, все предугадавший,
Где-то на рассвете мироздания
Знание о смерти перенявший,

Ты кричишь, и падаешь, и снова,
Разбиваясь, оживаешь в ранах,
Жизнь моя, язык, первооснова
Крови, песнопений, океана.

Унеси меня, пребудь со мною,
Ливень мой, пустынный и огромный,
Твоему смятенному покою,
Поискам и воле неумной

Поручаю душу, что не может
Совладать с оставленностью этой,
Памятью, тоскою бездорожий
И желаньем радости и света.

Кали. 1993

VIII

Завершено.

И весь мир
Предстает светло-серым,
Словно пыль на церковной скамье.
Или вдруг становится
Угольно-черным
Или червонно-красным.

Но мерцают сквозь пыль и уголь, кровь
Белые-белые донья мира.

Кали. 1993

IX

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Три подвесных моста
Было. И три реки.
Память твоя чиста,
Вспоминанья легки.

Память твоя остра,
Словно игла в золе,
Словно бы контур костра
На помутневшей земле.

Память твоя бела
Каплею молока —
Не запушит зола,
Не унесет река,

В ночь, над зыбкой мостов
В небо не уплывет.
В сонме зачатых слов —
Каждому свой черед.

Будут слова светлей
Льда речного песка,
Будет вода — над ней
Горы и облака.

Сквозь усмиренный страх,
Полусон больной —
Будет вода в руках,
Плеск ее ледяной.

Возвращения чисты,
Вспоминанья легки —

Так устилают листы
Дно желанной реки.

Санта Фе де Богота. 1993

Х

БЕЗ НАЗВАНИЯ

Я помню женщину, которая сказала:
«Soy aguilá de la noche»².
Она сказала эти странные слова,
Такие смешные и неуместные,
В автобусе, шедшем
Поздней ночью вдоль Карибского побережья.
Все ее спутники спали,
Она одна
Сидела, упершись взглядом
В черноту за окном.
Как будто впрямь ночная орлица...

Какой-то смутный отзвук
Романтических шлягеров
Той зимы.

Это были смешные слова.
И тогда, и теперь
Они у меня вызывают улыбку.
Но почему-то именно эти слова
Пробили брешь
В толще каменного молчания,
Что окружает с недавних пор
Те прошлые годы,
Ту страну

² «Я — ночная орлица».

И еще половину сердца,
Забытую в тех краях.

Человек умудряется растерять
За недолгий год
Все приметы того, о ком думал:
«Этот живет у меня в крови».
По прошествии нескольких лет
Легенда будет сотворена,
И ни тот человек, ни другой
На другой
Стороне земли
Не узнают себя в ней.
И умрут, так и не осознав,
Что расстались дважды:
Когда расставались в аэропорту
И когда забывали друг друга
Всеми силами общей души.

И стали набором слов.

Москва. 1994

XI

РЕКВИЕМ

Не было снежного Рождества,
И в марте не таял наст,
И в апреле не пробивалась листва
В городе бедном у нас.

Не было ветра на пустырях,
В мае не разговаривал лес,
Лежали созвездия на горах,
Сброшенные с небес.

Не было года, его времен,
Не было в городе родников,
Открытых небу со всех сторон,
И в домах не слышно было котов,
Караулящих зыбкий сон.

Если бы море — оно далеко,
Если бы снег — не коснуться рукой
Горных вершин, высоко-высоко
Хранящих пушистый свет снеговой
Над изумрудами рудников.

Ливень сквозь сетку во внутренний двор
Лился, скатываясь в кувшин.
Это вода растаявших гор,
Это вода снеговых вершин,

Это ступает морок дождя
По вечной осени на мостовой,
Пальмовой площадью проходя
Это он идет за тобой.

В зимние месяцы и весной
Он не обходит твой жалкий дом.
Лай собак за твоей стеной,
Облачный свет над твоим столом.

Твой жалкий дом, ненастный приют.
Дощатые стены, блеклый рассвет
И глубокий сон, что манят и ждут,
Сон, которого нет.

Нет у нас ничего, кроме этой земли,
Оглянемся этой земле вослед.
Туда уходили все корабли,
Все каравеллы — в ее дали,
Все одежды в ее пыли,

И все дороги туда вели
Семь долгих-предолгих лет.

Не было снега, Сочельник цвел,
Но к яслям величиной с ладонь,
Склонялись волхвы и овца, и вол,
Дождь над балконом усердно шел,
И свечки горел огонь.

Девять ливневых дней подряд
Молились о Рождестве.
Балкон открыт, и свечи горят,
И тени дрожат в листве.

А в дальней дали — руки не тяни —
Пестрый светился лед,
Когда в костре сжигали они
Старый, уставший год.

Он кротко сидел на своей скамье,
Ждал костра своего.
Черная шляпа, перо над ней,
Пунцовый рот у него.

Как же мне было его не обнять,
Понурого, у ворот.
Как же мне было ему не сказать:
«Прости, мой печальный год.

Печаль твоя не одна во мне —
Новый придет как раз.
И станет больше дождливых дней
В городе бедном у нас.

Станут ночи облачней и светлей,
Солнечней станет страх,

И ливни станут еще сильнее —
Затопят огни в горах».

Нам в Кайседонию не попасть,
Город Армении не спасти,
Котов не слышать и снов не прясть,
Балкона не удержать в горсти.

Но в утешение будет нам
Лиловый запах, лимонный ствол,
Память, равная тканым снам,
В тот вечер, когда Сочельник расцвел
И пелись песни волхвам.

Москва. 1994

В ПОИСКАХ ДОМА

* * *

Мы были тогда незнакомы,
Всем детством разделены,
В больницах скучали по дому
И видели схожие сны:

Был города выцветший кокон
Безжизнен, прозрачен и тих.
В похужести вымерших окон
Не выделить окон своих.

Там вещи слегка изменились
И улицы сдвинулись с мест,
Там лестницы накренились,
Спасительный темен подъезд.

Но комната все еще та же,
Как будто никем не взята.
Я трогаю стены и глажу,
Мой дом. А за ним пустота.

Мой радостный, ты ли утрачен,
Каким перечеркнут пером,
Каким номерком обозначен
В ряду обреченных на слом?

Вбегаю, срываюсь с балкона
И вижу, взлетев впопыхах —
Блестят тополиные кроны,
Как медная мелочь в руках,

Окно чердака за решеткой
И серую пропасть двора.

Над дальней зубчатой высоткой
Неслышно парят флюгера.

Не встретиться в городе сонном,
Пока или я или ты
Крылатую душу балкона
Не сдвинем со смертной черты.

Балконная дверь распахнется,
И день встрепенется за ней,
И сердце внезапно очнется
От детской печали своей.

Коснутся летящих ладоней
Шаги, голоса и листва
Безмерным весельем о доме,
О даре, о дали, о снах.

Москва. 1994

* * *

Уходят в дождь белены стволы
Туда, где мир настороженный стих,
Где полукругом сдвинуты столы,
И яблоки тяжелые на них.

Торжественность готовых переправ,
Пространство, осененное листвою.
Никто не стар. Никто уже не прав.
Никто не спит. И дом стоит пустой.

Оставленность. Земля стоит одна.
Не заперты пустые погреба.
Не выбелены скаты полотна,
И тяжесть, непривычная губам

За звуком звук у голоса крадет,
И разговор, не признающий слов,
Как белый свет, не двигаясь, растет
Над пустотой покинутых столов.

1997

* * *

Словно ясень, растет многоточье,
Словно льется вода сквозь огни,
Словно жизнь остановлена ночью,
И нетрудными кажутся дни.

Открывается дверь за спиною —
Не гляди. Открывается слух.
С этой бедной душою больною
Осторожно обходится дух.

Сколько мира стоит за плечами,
Сколько этой скользящей воды,
Говорящей с тобою ночами.
Слышу, слышу сырые сады.

Слышу — даль раскрывается рядом.
Не оглядывайся на нее.
Невесомое зернышко сада.
Птица. Дерево. Счастье мое.

10 декабря 1998

* * *

Беседую с сердцем моим (Пс. 76:7)

Ты заперто во мне. Заключено
Ты кажешься моим. На самом деле
Ты не мое. Ты просто мне дано.
Ты временно. Ты знаешь о пределе.

Ты знаешь натяженье тетивы,
Когда нельзя. Ты знаешь о запретах.
Ты знаешь кровь, падения и рвы.
Нет, ты не знаешь ничего об этом.

Нет, ты не знаешь ничего. Опять,
Крича во сне, самой себе чужая,
Тебя, тебя я буду окликать,
Твои рывки почти опережая.

Ты никогда не думаешь о том,
Что в этой тьме от края и до края
Ты — не одно. Мы все-таки вдвоем.
И тьма горит. И нет ее.
Я знаю.

2000

* * *

Наташе

Так ровно хватило на долю мою
Огня и ветров, и трав,
Что я понимаю, о чем я пою,
К легкой воде припав.

Так ровно, что кажется, нету слов,
Так полно, что нету сил.
Так много стянулось тугих узлов,
Но мир по-прежнему мил.

Ведь пламя легче любимых рук,
Вода светлее огня.
И ты меня не оставишь вдруг,
И ты не предашь меня.

Так ровно ветры со мной говорят,
Они будут петь, когда
Я смело вступлю в твой невидимый сад,
Сияющая вода.

2000

* * *

Со всех сторон они зажжены,
Глубоко пылают в печи.
Ты видишь — стены твои сильны,
Изнутри горячи.

Держат стены пространство гор,
Круженье далей и крон,
Ствол, растущий, словно костер,
Цветущий со всех сторон.

Стены твои хранят холмы,
Колокола реки,
Долы и ливневые дымы.
Стены твои хрупки.

Держат, держат они обвал
Бешеного огня,

Лаву и ветер, поток и шквал.
Сдерживают коня,

Дымную тайну, огонь и ствол,
Сферу и лиру сна.
Горы и реки, зарю и дол.
Вздых до горнего дна.

2001

* * *

Снятся ли ласточкам страшные сны,
Ветер и небо ночное в степи?
Так, над песками, в преддверьи весны,
В полудремоте, а все же — не спит.

Кружит, вращает, латает старье,
Шепчет, взлетает и снова на стол
Ставит фонариком сердце мое.
Вот развиднеется — море и мол,

Степи и ветры, вода и ключи.
Кругом гончарным вращает полет
Всю эту высь, повторяет зачин,
Лечит, и лепит, и травы кладет.

Снятся ли ласточкам сны наяву,
Нежным, как воздух, вода и вино,
Снятся ли травы и стебли, в траву
Падаешь вниз, в земляное руно.

Кружит, качает, ах, не отпусти,
Вот оборвется, рыдая, стена...
Сердце мое ты качаешь в горсти,
Детские крылья в груди у меня.

2001

Нам ветром приносит осколки комет,
Сплетенья небесных тел.
Мы видим, как в чашу вливается свет,
Как воздух на море бел.

Земных светляков искрятся крыла
Над измученным лбом.
Мы знаем, что жизнь без конца светла,
И светел, как море, Дом.

И этот венец, и его молоко,
И капли его на щеках.
И жизнь — трепещущим светляком
В горячих твоих руках.

2002

* * *

Морю ли снится прибытие корабля,
Ветры и берег, где парус равен воде.
Ждешь ли? Как лампа качается где-то земля.
Ждет ли? Меж небом и морем в своем нигде.

Ждешь ли? Я слышу, как грезится дому весло,
Весельный плуг погружается в толщу морей.
Лодку ли к пристани ветром твоим отнесло...
Дерево дома неслышно стоит у дверей.

Так за волом поспеваает крутая волна,
Так — за дверями домашняя сень белизны.
Белая крона качается, морем полна,
Листья меж ветром и миром ее зажжены.

2000

* * *

*Вересковые пустоши,
Северные озера,
Лес, где за глушью — глушь еще:
Блуждать и вернуться не скоро...*
А. Максимов

Радостью дара пахнуло, и сердце
Все опрокинулось в озеро слова.
Я не могу на тебя наглядеться,
Вереск осенний, подарок сосновый.

Так бы и слушать, как звук возвешенный
Гулом и сном отдается в ладонях,
Снова под сводом твоим возвращенным
Ветер округлое эхо погонит.

Глиняный пир, круговое веселье,
Ласточки мира и полные соты...
Верные сосны тебе — колыбелью,
Вечность тебе отдается в работу.

16 сентября 2002

* * *

Кроткие яблоки в светлом стекле,
Пламенный мир на раскрытом столе.
Книга раскрыта, раздвинулась вширь,
Двигутся полные медом ковши.

Слушаю, слушаю, тихо стою
Эту медвяную повесть мою.
Словно смычком провели по стволу,
Листья и блики плывут по столу.

Зерна, сережки, вода, черенки
Двигаются в чаше раскрытой руки.
Слушает яблоко в свете стекла —
Книгу свою собирает пчела.

Май 2003

* * *

Научи меня небу, Коперник.
Гроздья пряжи заполнили стол.
Пуст его белоснежный наперник
И прошитый вишневым чехол.

Пробивает иголка стальная
Бессознательный перечень тьмы,
Словно нитью пунцовой сшивая
То, что знали в незнании мы.

Твердой нити не рвется дыхание —
Ниже, ниже осколки Плеяд,
Глиной льнет пустота под руками,
Дни и месяцы лепится сад.

Зоркость шелковой этой работы,
Гладкий путь от виска до виска,
Многомерные, сложные соты
И моря золотого песка.

Июнь 2003

* * *

Далеки пути до тебя, Серендип,
Твой лимонный хлеб, твой звучащий мед.

Океан качают сто тысяч рыб,
Проплывая взад и вперед.

Каталогам и книгам — тьма тьмушая лет,
По плавучим дорогам не ждть фонарей,
Да и карта моя сквозит на просвет,
Серендип, планета морей.

Проплывешь, пройдешь по тугим струнам,
Вся-то ими богата вода.
Не смотри, что пуста она и темна —
Где порвется одна,
Там поможет Луна,
Да и Волчья залечит Звезда.

Фонарями тебе — огни Стожар,
По плавучим дорогам вернешься домой,
И придешь, и найдешь твой извечный дар —
Твой лимонный хлеб, твой медовый жар,
Серендип возлюбленный твой.

Апрель 2004

ДЕРЕВО СНАРУЖИ И ИЗНУТРИ

Если твой ствол — говорящая лампа,
Что ты наскажешь мне светом своим,
Что ты мне высветишь дальней листвою,
Тихое место и солнечный дом?

Там, наверху, прошумело пространство —
Это качели и колокола.
Двинулась плоть, и внутри просветлело.
Так ли, как тополь, ступаешь ко мне...

Июнь 2003

* * *

А. Тагрову

Дорого, дорого то, что припело,
То, что во мраке твоём расцвело,
Словно свечное, певучее тело
Месяцем в северном срубе взошло.

Все-то качает воронка метели,
Мед подливает, всю веселит,
Тянет огонь из морозной кудели,
По дому ходит и тихо горит.

Снежный огонь в погреба не упрячу,
Двери ночные открою ему
И за ворота пойду — наудачу,
В ясную, кладом расцветшую тьму.

Февраль, 2006

ПОЧТИ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Детей ты сиротами не отпускала —
Как знала, что им одиночества мало,
Им мало родиться, в земле обветшалою
Поставить свою колыбель...
Им мало больничного, серого хлеба,
Им нужен ладоней закинутый невод
Слова и ресницы живого напева,
Морская, соленая хмель.

Для них ли под сердцем пустыня чужая,
Для них ли в подвалах вода неживая,
И память — для них ли, скажи?
Им — сонмы планет и огни островные,

Им — дальние горы и звери лесные,
И — жизнь.

И бессмертная жизнь.

Май 2006

СЛЫШУ И ГОВОРЮ

Белоснежными камнями твоих мостовых,
Братскими усилями сна,
Колоколами в обласканных солнцем зрачках,
Островами в страннической гортани.

Ангелов ли Своих попросишь Ты обо мне
Или траву посреди потеплевших морей?
Может, зыбки морских трамваев
Маятником качнешь для меня,

Золотое сечение воды?

21 июля 2006,
после Венеции

ИЗ ЦИКЛА «ПЛАЧ ПО УТЕРЕННОЙ ЗЕМЛЕ». 1989

*Amor, amor que est? herido...*Federico García Lorca ¹

I

Не разбить, не забыть, не перекроить,
Не переделать.
Девять акаций желтых решили быть,
Девять.
Девять акаций, манящих из каждого дня
В стеклянную зелень,
Девять, решающих быть за меня
На деле.
Сонный удел моим городам,
Празднично-сонный.
Цвет созерцания дан горам, площадям, садам,
Созерцанье — зеленый.
Город, навечно севший на мель,
Дом пустующий.
Флюгер никнет, как асфодель,
В пальцах тоскующих.
О, как над крышей они растеклись,
Листья ваши,
Девять моих, стерегущих карниз,
Сторожевые башни.
А мимо ветер спешит трусцой,
Траву сминает,
Белым платком закрывая лицо
Воспоминанию.
О дом мой лиловый, печаль печалей,
Память тобою правит,
Синим станешь, когда, отчалив,
Прибьешься к яви.

¹ «Любовь, раненая любовь...». Федерико Гарсиа Лорка

II

Холмов и озер не видно,
Смеркалось. Четверть шестого.
А дом отплывал в изгнание
И ей не сказал ни слова.
И воздух недвижимый таял
Над пустошью безымянной,
И рос зеленый алоэ,
Раскрывши свежие раны.
На поздней заре проснулась,
«Где море?» — она спросила,
Но больше не было моря,
И ночь клевера скосила.
«Проклятье тебе, проклятье,
Ты, северный воздух целебный,
И вам, дубы и каштаны,
И вам, небеса из щебня!
Где пальцы моих акаций
Желтых и дом лиловый,
Зачем вы мне не сказали,
Что было в четверть шестого?»
Забыв свои обещанья,
Объята тоской крылатой,
Как море она искала,
Как море звала обратно.
«Привидься, моя дорога,
Разлейся гитарной гладью,
Мой дом меня ожидает
И желтых акаций пряди».
Тугими крыльями море
Всхлипнуло за горами,
Как отзвук воспоминанья,
Как желтых акаций пламя.

III

Горе.

Ты словно вода на ладонях, мой единственный, неповторимый.

Горе.

Ты словно небо в долинах, что ветром ночным гонимо.

Corazón mio²,

Ты весь ускользаешь, тепло забирая.

Corazón mio,

Залетная птица из певчего края.

Corazón mio ,

Ты камешек пестрый, что сам попадает под ноги,

Corazón mio,

Олень уязвленный дарует три белых дороги.

Горе.

О, сердце мое на холме, над тоскою омелы.

Я знаю,

Corazón mio,

Я знаю,

Горе мое,

Тоска будет парусом белым

И море — последним, желанным пределом,

Corazón mio.

IV

РОМАНС НАПОСЛЕДОК

Не брани, мое сердце, меня,

Пыль клубами кочует вдали.

Беспокойнее день ото дня

Весь покой приютившей земли.

² Сердце мое

Кипарисам не надо огня
Над торжественно-черной рекой.
Не брани, мое сердце, меня,
Сохрани беспокойный покой.

Эту пыль на ладони принять
И водою речною не смыть.
Не брани, мое сердце, меня.
А о большем не смею просить.

Бродит ветер, ключами звеня —
Знать, часовня твоя на замке.
Не брани, мое сердце, меня.
Дождь спускается вниз по реке.

Дождь спускается, ветви обняв,
И к земле припадают они.
Не брани, мое сердце, меня,
Напоследок меня не брани.

VII

От чего тебя уберегли?
Уплывай, спасайся, уходи.
Не касайся этой северной земли
И ее седин.

От чего тебя уберегли...
Флейтою усталой стань,
Древними рыданиями
Стань, пока еще вдали
Твои гавани.

От чего тебя уберегли
Детских лепетов наивные «да»,

Колыбельные твои корабли,
Синие твои города?

Ах, от чего тебя уберегли,
Беззащитностью тебя превзойдя,
Вечерние легенды твои
В нежных переливах дождя?

Уплывай, спасайся, уходи,
Разрывая нити с трудом,
Ты один, как раньше, ты один
Обретаешь очарованный Дом.

* * *

Лишь то река, что не течет,
Лишь то огонь, что не горит,
Лишь то трава, что вниз растет,
И камень — тот, что говорит.

Вообще, другая сторона
В понятном мире у всего,
И та же двойственность видна
В предельной четкости его.

Условна всякая река,
Огонь предстанет не огнем,
Слова застыли на века
И добываются с трудом.

Весь мир понятий невесом —
Разрушь его, возьмем другой,
И эту двойственность спасем,
И этот камень под ногой.

Лишь то земля, что не родит,
Лишь то часы, что не идут.
Расколется привычный вид,
И все понятия умрут,

И станет мир с другим лицом,
Неузнанным за тыщу лет,
И смерть не названа концом,
А только выходом на свет.

Как только выйдешь — все поймешь,
И все представится в ином
Сиянии: не важен нож,
А важен блик, сокрытый в нем.

Увидишь зрением вторым
Все то, что нынче — только звук,
И ты не выйдешь из игры —
Войдешь. И осознаешь вдруг,

Что то — река, что не течет,
И книга — та, что не горит,
И нечет — лишь обратный чет.
И камень твой заговорит.

1989

* * *

В такой снегопад
И Карибское море не греет.
Деревья твои
Под серебряным
Снегом
Светлеют.

В такой снегопад
Смутлоликие воды далеко.
Здесь все ледяное,
Здесь все отлюбило до срока.

Нет, это не север.
И небо вокруг нас иное.
Как смех монотонный
В застылом мерцании покоя.

Здесь ангелы тают,
Склоняясь на снежные урны,
И глушат бураны
Обрывки мелодии бурной.

В такой снегопад
Пароходы гудят,
Отплывая.
И рушатся стены,
Которые мы воздвигаем

Меж сердцем и ложью,
Меж сердцем,
Легендой и болью.
В такой снегопад
Не услышать Карибского моря.

Далеко, далеко
Звенит кольценосная пена,
И зыблется парус
У белых
Ворот Картахены.

ЭЛИНОРСКАЯ ЭЛЕГИЯ

— *Ответь мне на вопросы, Маделина.*
— *Я уж их всех не помню... А зовут меня, между прочим,*
не Маделина, а Элинор.
— *Как же я не догадался! Вы и на вид — Элинор, и у вас эли-*
норская внешность...
Ну, в общем, вы меня понимаете...
Ф. С. Фицджеральд. «По эту сторону рая»

Элинорский конь пролетел — далеко, во сне.
Элинорской осени нет. Прибывает снег.
Прибывает снег, и взгляд в небеса остер,
И зияют овраги печальями Элинор.
Это все рассужденья, мистически-медленный бред,
Это те сближенья, в которых спасенья нет.
В них ни грана нет, ни осколка памяти и тепла.
Это снег, Элинор, это снег танцует, как тень крыла.
Калейдоскопы желаний, земель, размышлений и слов,
Элинор, под знаком твоим. Твое ремесло —
Создавать полюса на границе скорбей земных,
Если некуда деться в ночной пустоте от них.
И вечерняя радость на чашке твоих весов —
Не тяжеле лая в сторожке встревоженных псов,
Не тяжеле конского храпа в лесной дали,
Не возвышенной древних холмов холодной твоей земли.

Элинор, умиравшая трижды, теперь — приходи вчера.
Приходи на Север под осень. Твоя игра
С прошлой мудрой схоластикой скорбных твоих речей
Здесь никак не вяжется. Мертвый всегда — ничей.
И земля твоя, над которой твои слова
Замирают под ветром, теперь — без конца мертва.

Нет, не в осени дело. Созвездья твои, смотри,
Пропадают из вида, а прежде их было — три,
Элинор, над каждой могилой — по одному,

По-собачьи верному голосу твоему.
Ты, гармония странствий, разлада и пустоты,
Что рождается ночью, безумная, как и ты,
Эликсир умиранья, что впрыснут в сплетенья вен,
Тростниковое эхо напевов речных сирен.

Элиносор, это снег, это вечный меж нами разлад.
По-эльфийски твой конь — без узды, без стремян и седла,
Без тебя, направлявшей его ускользящий бег..

Но над круглым театром твоим проплывает снег,
Темный голос элегий мерцает за хрупкой стеной,
И сбивается крик на шепот безудержный и больной.
Так она повторяет одна, опираясь на меч:
«Одиночество служит залогом блуждающих встреч.
По болоту гуляют бескрылые огоньки,
По кладбищенским улицам, возле моей реки.
Я еще не смерть, я пока что еще — не тьма.
Я — брожение крови тоскливой, но я не свожу с ума.
Я пою настоем целебных, осенних трав,
Чтобы ты ушел в пустоту, ничего от земли не взяв.
Я не флейта, а только эхо, не образ, а только сон.
Раньше мир умещался в сердце, теперь замирает он
В предвечерии вечности, вещей моих зениц,
В предвечерии серых коней, желтоглазых птиц.
На равнинах мерцают костры, я тушу костер...
Безнадежность — имя воскреснувшей Элиносор.

Но из глаз убегающая, струится, как санный путь,
Умудренный печалью ветер, понявший суть
Первозданного мира, без имени и лица,
Как земля Элиносор, не имеющего конца.
Элиносорской осени нет, а зима страшна.
Элиносор уходит, она уходит одна.
И пустынен ее театр и не видно ее коня,
И пустынные огни созвездий бубенцами вдали звенят.

Прибывает снег, Элинор. О твоём ли сне
Мне поют бубенцы. И падает снег, снег.

1990

ВТОРАЯ ЭЛЕГИЯ — СОН

Это солнце меня никогда не сводило с ума.
Вдоль пустынных дорог одиноко серели дома,
И на каждый подъезд приходилось четыре куста.
Невесомый район пустырей, новостроек, застав.
Нам казалось балладой молчание наше вдвоем.
Где-то солнце мерцало. Закат раскрывался с трудом,
Как развинченный, пошлый сюжет с оправданием в конце,
Словно злая улыбка тогда у тебя на лице.
Это сцена из фильма. Ты вышел, а я подойду.
Это давняя пьеса. В каком очутились году
Мы, не зная, не ведая, сколько у памяти глаз,
Но не память, а что-то другое тревожило нас.
Это тянется сон, а во сне силуэты легки,
Разговоры пустынно, запутанны и далеки.
Ты в миндальной ограде элегий стоишь у дверей
В светло-синей, давнишней, истлевшей рубашке своей.
Воскресаешь из мертвых? Из слов уходящего дня?
Мне рисуешь заставы и травы и смотришь в упор на меня?
Ты бы выбрал другое, живое, на солнце, в росе,
Но не серые эти подъезды, не мокрое это шоссе.
Здесь порублены вишни, закат обступает стеной,
Невеселый закат, и оттенок какой-то больной.
Ты стоишь и молчишь, и рисуешь дома на песке,
Зачаженные трубы завода дымят вдалеке.
Я не выйду, закат помертвел, да и мне не к чему.
Сероглазый закат. Сероглазое небо в дыму.
Никогда, ни сегодня, ни впредь, ничего никогда.
Как стрижи, над шоссе телеграфные мчат провода.

Поднимается пыль и клубится, как дым заводской.
И такая тоска... Все пропитано этой тоской.

И пока не закончился сон, я запомню подъезд и песок,
Эти трубы вдали, беловатого неба кусок
И как звали тебя, и рубашку твою на ветру.

И сюда не приду, навещая, когда я умру.

1990

ИЗ ЦИКЛА «ПАРАЛЛЕЛЬ»

I

Льву Разгону

Наши дороги ведут от Рима.
Как ни придумывай смерти имя,
Как не заучивай в ночь заклатья...
Боже, придумай другое занятие!
Да не погаснут в апреле звезды,
Да не отравится кровью воздух,
Ржавой водою из теплого крана
Да не промоем чужие раны,
Да не оставим больных и любимых,
Слово вовеки не скажем мимо,
Мимо обычного милосердия,
Чтобы не быть наравне со смертью,
Ямой с железной водой и кровью...
Хочешь, давай сохраним здоровье,
Все восклицанья, глаза и уши.
Только учти — потеряем душу.
В будущем времени мы пожили,
Каждую черточку усторожили,
Всякое пятнышко нам известно,
Так что и жить-то не интересно.
Да не забудем загубленных нами...
Господи, да обернутся снами
Стены бараков в снегу и глине,
Липкая грязь и знобящий иней,
Вышки, проволочки, ограды,
Выстрелы в спину, значки, награды,
Темные дырки во лбах и душах,
Ветер, который дыханье рушит...
В памяти лампу гасить не будем.

Нам повезло — пригодятся людям
Эти шаги, этот поиск смысла.
Хоть угощение горько и кисло,
Я повторяю: Да будет с нами
Светлая сила в холодной яме!

1988

II

Вот оно заходит, умирая,
И сияют мне его края.
Ничего о нем не понимаю,
Ничего о нем не знаю я.

Вот оно восходит над Уралом —
В зоне не горят прожектора —
Сотворя сиянием усталым
Грустное подобие добра.

Вот оно ползет по горизонту,
Всколыхнув метельные вьюны,
Постепенно освещая зону
И болота разной ширины.

Постепенно привыкая к мысли,
Что уже поднялся день иной,
Вышки настороженно повисли
Где-то между небом и землей.

И тускнеет, словно глаз больного,
Мягкий снег, пропитанный огнем,
Чтобы день, подаренный, как Слово,
Поскорей назвался прошлым днем.

1988

III

Флейты греческой тэта и йота

О. Мандельштам

Страшно, флейтист, соглашаться с судьбой —
Здесь не проверит, а там не подчистит.
Старость, как меч, над твоей головой,
Флейты речистей.

Старость и гибель в далеком краю.
Побереги свою флейту-прощанье.
Храбрость еще испытает твою
Окрик: «На выход, с вещами!»

Страшно. Немецкая флейта больна.
Выдержит? Нет? у тебя не спросивши
Губы твои выпивает до дна
Звук о безумьи, увы, не забывший.

Холодно. Колко. И грубо. И лед.
Слушай внимательно. Думал — иначе.
Видишь, забвенье на смену идет
Чистому тону высокого плача.

Не исписал стопудовых страниц,
Не говорил о «высоком и вечном».
Музыка флейты, упавшая ниц
Перед лицом исковерканной речи.

Страшно, флейтист, возвращаться во тьму,
Есть ожиданье, и есть песнопенье.
Вдруг да услышать тебе одному
Робкого звука паренье?

Холод терзает твое волшебство.
Кончено. Губы твои помертвели.
Слушайте клавиши сердца его,
Ангелы флейты, тюремной свирели.

ПОЕЗД МАЙСКОЙ НОЧЬЮ

Поет и срывается, ветру переча,
Вдали, за двором, за дымком, за домами,
Пространство калеча, стокрылое нечто,
Впивая огни, упиваясь мостами.

Далеко-далеко, как длинные раны,
Песчаные рвы и болотные ямы.
Пространство заполнено — нет ни изъяна,
Ни полого метра, ни ни грамма, ни грана.

Не поршневой силой, а силой разрыва
Его раскрывает: сначала надрезом.
Осоки, пушки, можжевельник, крапива
И рельсы. Как лезвием мир перерезан.

Пульсирует кровь молодого пространства,
В ушах нарастает рокочущим гулом,
Тревожа черемух венчальных убранство,
Печалью своей возмутив переулок.

И вот — поперхнулся грохочущей далью
И кверху пошел, расщепляя откосы.
Душа не рванется, ведь так пропадали
Страстей многоочия, знаки вопроса.

Не взрывы, а плавная зелень раската,
Не водовороты, а реки из меди.
О поезд, я так же не крикну: «Куда ты?»
Как ты, пролетая, не крикнешь: «Уедем!»

* * *

Ангелы-хранители,
Крылья в серебре,
Сколько вы увидели,
Узнали на земле.

Ангелы-ревнители
Смертного добра,
Сторожите, спите ли
Дни и вечера?

Очи не смыкаете,
Свечечку держа,
Крылья не вздымаете —
Тяжко сторожам.

1991

* * *

Потеплевшую землю целуют густые соцветья
Невесомой черемухи в кольцах зеленой коры.
Можно месяц поймать рыболовной сетью
И в ладонях затеплить костры.

Можно падать наверх, зацепив по дороге отсюда
Серпантинную ленту небесных путей и комет.
Встретить заячий след отпечатком звезды у запруды,
Серый заячий след.

Различить из окна деревянную лестницу, выше
Голубиных харчевен, несущих себя на Восток,
Можно выйти из дома, дойти до холма и услышать,
Как река прибывает всего на глоток.

Можно снега не ждать, можно сердце стыдом не тревожить,
Можно лучше не быть и обрядов своих не хранить,
Можно писем не слать, на земле виноватых не множить,
Никого не любить.

В этом юном покое, в силках невесомых созвучий,
Непричастных равно вдохновенью, метаньям и лжи —
Ураганная сила, что ствол расщепляет могучий
И разносит закат на грохочущие этажи.

Эта странная память затихла в молчаньи стооком,
Но движенье ночное — и память рванулась за ним,
И глядит неотрывно, бессмысленно, смертно, жестоко
Распеленутый мир, порожденный сознанием твоим.

ИЗ ЦИКЛА «ВНУТРЕННЯЯ РЕЧЬ»

I

*Нет, мне не дорог твой покой,
И свой я ни во что не ставлю...*

В. И. Муравьев

Дороже пшеничных зерен
В заиндевельных полях,
Дороже горячего моря
В не ставших родными краях.

Дороже удачи дорожной,
Кофейного огонька,
Дороже дороги, похожей
На скользкий излом плавника

Мне эти просветы покоя
И книги в табачном дыму,
И наши беседы с тобою,
Которые в вечность возьму.

1997

II

Осенью
Мимо полей,
Эхом полных лесов.

Посмотри
На дело рук Своих,
Господине.

Осенью.
Мимо болот,
Облаченных в пестрое небо,
в смиренном
сниженье листвы —
преклони ухо твое,
Господине.

Нынче яблочный год.
Близится царство Твое.

1998

III

Обмелевшие, теплые не по-зимнему дни.
А на дне те же камни,
и так же как в реку
дважды в него не войдешь.
Преткновенье о сотворенное время,
Запинка разлета.

Выйти с другой стороны,
Чтобы заново —
От истоков и до течения,
петляющего в морях,
череду воды,
пограничья текучих дней
обрести
в полновластии
Жизни.

1999

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Об авторе</i>	5
<i>Предисловие</i>	7

Надежда Муравьёва
CÁRMENES
Стихи

Совместный издательский проект серии «Русский Гулливер»
и литературного клуба «Классики XXI века»

Руководители проекта
Вадим Месяц
Елена Пахомова
Главный редактор серии Андрей Тавров
Оформление Владимира Сулягина

«Русский Гулливер»
тел. 159-00-59
<http://gulliver.commentmag.ru/>
E-mail: a_tavrov@mtu-net.ru

Литературный клуб «Классики XXI века».
Издательство Р. Элинина.
Страстной б-р., д. 6 стр. 2, Москва
Чеховский культурный центр
www.klassiki21.ru/club

Подписано в печать 16.10.2007. Формат 84x108 /32.
Бумага офсетная. Гарнитура NewtonС.
Печать офсетная. Тираж 100 экз.
Заказ № 1061

Отпечатано в типографии «Гриф и К».
Октябрьская ул., д. 81А, Тула